

Русь Чёрная 2

Василий Кленин

Василий Кленин
Русь Чёрная – 2. Своеволие

«Автор»

2023

Кленин В. Н.

Русь Чёрная – 2. Своеволие / В. Н. Кленин — «Автор», 2023

Второй том цикла «Русь Чёрная». Середина XVII века, Дальний Восток, амурские земли. Беглец из будущего выжил в этом мире войны всех против всех. Даже встал на ноги. Вроде бы. Настала пора менять реальность, которая не очень удачна сложилась для русских землепроходцев. Увы, это не так просто, ибо могучая империя Цин уже явно заметила новых опасных и алчных соседей у своих северных рубежей.

© Кленин В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Год (7)163 от сотворения мира/1655. Муж пропащий	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Василий Кленин

Русь Чёрная – 2. Своеволие

Год (7)163 от сотворения мира/1655. Муж пропащий

Глава 1

– Совет да любовь! – надрывался Митька Тютя, размахивая бараньей ногой.

Рыга Мезенец разросся над столом всей своей широкоплечей массой, демонстративно хлебнул браги из ковша, проливая на бороду и скривился:

– Горькааа! Подсластитя!

Казачья орава с ревом и хохотом поддержала идею. Санька, краснея и смущаясь, встал с лавки. На бледную Чакилган даже смотреть было страшно. Почему-то целоваться пред маслянистыми от хмельного и похоти глазами ватаги не хотелось. Но целовать черноглазую невесту – даже в десятый, даже в сотый (!) раз – это каждый раз, как живой огонь через себя пропустить.

Санька нежно взял девушку за плечи, развернул к себе, улыбнулся и шепнул:

– Не бойся, родная! – и мягко поцеловал.

Конечно, Чакилган не боялась. Ведь по ее законам они были мужем и женой уже вторую неделю. Ошалевший Дурной рванул к чохарам почти сразу после битвы. Чуть не вперед Галинги в становище ворвался. Старый князь, подсунувший пектораль в маньчжурский мешок, только посмеивался, кутаясь в пушной воротник.

– Я ж говорил, найдешь сокровище Бомбогора, – язвил он. – Придется теперь, наверное, тебе девку мою отдавать, лоча...

Но отец невесты требовал, чтобы «венчание» состоялось по даурскому обычаю... И страшно удивился, когда атаман лоча легко согласился. А ведь их бог ревнив... Но Дурной – хоть и привык креститься, хоть отче наш теперь мог на автомате начитывать – всё еще не видел разницы между православным культом и языческими обычаями. Для выходца из СССР всё это было «опиумом для народа». Раз можно покреститься, то почему бы также и шаману не подыграть.

А странный шаман Науръылга это чувствовал. После боя он сильно изменил свое отношение к Саньке (в лучшую сторону), но во время обряда хмурился и кусал нижнюю губу в досаде.

– Осторожнее будь, Сашика, – шепнул шаман ему после «венчания». – Онгоны тебе благоволить стали, а ты душу от них запираешь. Не рискуй!

Санька только улыбнулся и отмахнулся беззаботно. В глазах его была только Чакилган, в душе – тоже. Нечего там всяким онгонам лазать! Мысль о том, что красавица Челганка теперь будет с ним – с ним всегда! – грела в груди печкой. И каждый новый поцелуй – увесистое полено в прожорливое чрево печурки. Нежные руки девушки, жаркое тело, еле слышный ночной шепот – всё это делало его таким счастливым, что даже забылась печаль от сражения с Минандали.

А поначалу... Сказать, что Дурной был расстроен – ничего не сказать. Влекомый своими обострившимися амбициями, он втравил сотни людей в авантюру, из которой (ныне очевидно) была одна дорога – в царство смерти.

«Вот я лох... – бил себя Санька кулаком по башке. – Думал, что всё понял, что всю жизнь тут прохавал. Что с моими знаниями в козырях перед местными ходить буду... Я же нихрена еще не знаю и не умею! Особенно, полки в бой водить».

Битва почти с самого начала пошла не туда и не так, как мыслилось беглецу из будущего. Нити управления потерялись, враг действовал не так, как хотелось. Даже свои действовали не так...

«Ну да, – пилил себя Известь, шерясь. – Все не такие! Один ты был хорош...».

Если что и спасло русских с даурами, так это погода, нерешительность старого Минандали и два дючера, что в самый последний момент внедрили в маньчжурское войско мысль о том, что подходят казаки с Кумарского острога.

Индига и Соломдига спасли всех. Немного утешало лишь то, что это Санька придумал послать братьев с диверсионным заданием.

«Эх, не всех спасли, – прикрывал глаза горе-атаман. – Далекое не всех...».

Десятки пали. Раны среди казаков получили, наверное, две трети. Даже среди самой первой ватажки имелись потери. Помер Козьма-толмач, которому копьё попало в ногу и перерезало кровеносную жилу. От кровопотери он и часу не прожил. Помер коваль Корела, которому какой-то ушлый дючер снес голову. Так и нашли: одно тело в луже замерзшей крови. А голову только утром обнаружить удалось. И Гераську только утром нашли... Лежит под кустом, скрючился в позе плода, а руками живот держит. Пробитый живот – куюка-то у Гераськи не имелось. Даже разогнуть парня на смогли – так труп за ночь окоченел.

У дауров потери еще страшнее. Соотношение убитых к раненым намного хуже – все-таки они легко снаряженные воины; по большей части, обычное ополчение. Некоторые князья только половину воинов домой привели.

Удивительным (для беглеца из будущего) оказалось то, что те раненые, что пережили первую ночь – почти все пошли на поправку. Санька-то думал: дремучие времена, никакой медицины, никакой санитарии – любая «вавка» к заражению крови ведет. Ан нет. На казаках заживало, как на собаках. На даурах – практически также. Не повезло только Тимофею Старикю: его правая рука, серьезно порубленная в бою, заживала плохо. Рана несколько раз норвила загноиться, но тут даурские знахари прислали в Темноводный запасы трав целебных – и деда удалось оставить на «этом берегу». Только вот рука оставалась нерабочей, отчего и так скверный характер Старика усугубился в разы.

Однако даже он не держал зла на Дурнова за случившуюся битву. Так уж вышло, что все – и русские, и дауры – лишь сильнее зауважали Вещуна. Мало кто анализировал, насколько грамотно руководил атаман боем. А вот то, что победа осталась за союзниками, что добычи имелось, аж телеги трещали – это явный знак того, что высшие силы о Дурнове заботятся. Господь Бог или могучие онгоны – неважно. Важно то, что с ним удача. А что еще нужно для командира? Погибшие же... К такому в этом мире все привыкли.

Санька лишь стыдливо вздыхал, глядя на происходящее, но приходилось жить с тем, что имелось.

В день свадьбы даже Тимофей оттаял. Когда Санька привез в Темноводный любимую, именно Старик настоял на проведении, хотя бы, свадьбы.

– Церкви нету, – вздохнул он. – Попа тож. Так хоть по вековым обычаям давай вас обже-ним.

Санька вернулся домой до начала мая. По рекам еще плавали ледяные глыбы, так что идти пришлось посуху. Атаман притащил в острог целый караван. Во-первых, зейские князья поднесли ему обещанный ясак, заодно выдав его за свадебный подарок. Вышло более восьми сороков соболей, в целом, хорошего состояния, шесть шкурок чернобурки. А еще – бирары поднесли пару десятков ярких жёлто-серо-бурых спинок харзы. мех Саньке страшно понравился.

«Надо будет организовать сбор самых разных мехов, – подумал он. – Чего мы на соболях зациклились? Может, найдется товар не хуже».

Сразу вспомнились тигры... Но их и в XVII веке на Амуре было немного. С таким штучным товаром не зажируешь.

Кроме телег с мехами привез Дурной в острог и народ. Во-первых, «свиту» Чакилган. Галинга, конечно, не отпустил любимую дочь одну к чужим лоча... Пусть даже и не таким ужасным, как казалось раньше. Княжну сопровождали несколько вдов. Трое пастухов вели по берегу небольшой табунок, который старый князь выделил в приданое. Были и просто «гости». Дауры, лишившиеся домов долганы и даже парочка бираров вдруг поняли, как интересно и выгодно быть рядом с русскими – и шли попытать удачу в чужом остроге.

А выгоды апрельское сражение принесло огромные. Все, кто дрался на Черной реке с маньчжурами и выжил – вернулись в родные становища богачами. При дележе добычи Дурной щедро отдавал аборигенам бытовые вещи и предметы роскоши. Казаки слегка злились, но атаман был непреклонен. Потому что его интересовала другая добыча.

В подуваненной части обоза Минандали им достались две пушки, причем, солидного калибра. Удивительно, но удалось заполучить шесть фитильных пищалей китайского производства. Причем, не с воинов взяли. Те просто лежали запакованные в телегах! Копий, топоров собрали сотни, сабель да мечей – десятки. Брони уже поменьше, а хорошей – так всего человек на двадцать набралось. Дурной приказал казакам грести в их кучу всё железное. Конечно, в Темноводном уже начали править болотную руду, но полученное кричное железо пока было ниже всякой критики, а облагородить его не получалось.

Но самое главное – порох. Его нашли больше трех пудов. В бочонках, в бамбуковых пеналах, и в каких-то длинных «кишках» – Ивашка «Делон» предположил, что это что-то вроде фитилей для подрыва укреплений. Свинца почти не нашлось, ибо маньчжуры стреляли, в основном из пушек, но порохового зелья теперь имелось в изобилии. Санька даже подарил Галинге одну китайскую пищаль и восемь фунтов пороха. После пекторали он чохарского князя на руках носить был готов!

В целом, с поля боя никто не ушел обиженным. Ибо на берегу вражеских трупов лежало поболее, чем выжило союзников. И каждый смог обзавестись добрым ножом или крепкими сапогами или поясом с бронзовым литьем... много можно было снять с тел.

Мертвый враг оказался дороже живых. А ведь были и такие.

Глава 2

– Ну, на кой нам эти поганые? – в сердцах махал рукой мрачный Старик на черное мрачное пятно, растекшееся по серому ноздреватому льду.

Почти полторы сотни пленных согнали в кучу, повязали, как попало, да так и оставили. Всё равно здесь лишь те, кто не смог убежать в пылу сражения или не захотел. А значит, чего их охранять? Разноязыкие люди Минандали всю ночь жалишь друг к дружке, чтобы хоть как-то согреться. Разумеется, некоторые к утру окоченели.

Вопрос Тимофея был непраздным. Что делать с таким полоном, не знал никто. Дауры от подобного дувана отказались сразу: на амурской земле рабский труд не особо прибылен. А, если раб – вчерашний воин, да и родина его не так далеко? В лучшем случае, просто сбежит, в худшем – хозяина ночью придушит. Держать пленных в остроге тоже не хотелось: такую ораву не прокормишь. Менять? Не на кого. Выкуп с сунгарийских дючеров получить? Казаки с трудом представляли, как это организовать. По всем статьям, пленные выглядели обузой.

– Может, в Кумарский доставим? – неуверенно предложил Дурной.

– Ага, – разулыбался Ивашка. – Вот тебе, Онуфрий Степанович, три сорока душ. Ты уж не сердчай, меха, камчу да зелье пороховое мы себе оставили, а тебе вот – самое лучшее!..

Даже Турнос заржал, представляя себе картину. Атаман покраснел.

– Ладно, – вздохнул он. – В Темноводном решим, что с ними делать. Пакуйте!

Но решили раньше и без ведома атамана. Уже на следующий день, в дороге, что петляла меж сопок и лесов (реку и оставшееся на ней войско Минандали обходили за семь верст) Дурной узнал, что пленных на рассвете прирезали. Случайно узнал, когда увидел, как казак с дауром из-за мехового полушубка грызлись.

– Кто?! – побагровев, заорал Известь. – Кто велел?!

– Я... атаман, – Ивашка стоял перед ним спокойно и слегка разведя руки.

– Тварь! Да как ты мог...

– А что делать, когда у атамана, разума не хватает, – совсем тихо, лишь для санькиных ушей, ответил «Делон». – Пришлось мне.

Дурной аж зашелся.

– Уймись, а то очи полопаются, – без тени усмешки осадил казак своего командира. – Ты ж Вещун, а простого не разумеешь. Боле ста ворогов в Темноводный вести велел. В наш тайный острог, который мы от чужих глаз бережем! Нешто веришь ты, что никто из ихнего племени не сбежит, да про наш дом богдыхану не поведает?

Дурной тихо выдохнул.

– Я-то тебя знаю, – покачал головой Ивашка. – Ты не сдюжишь такое повеление дать. А мне не зазорно...

Страшно признаться, но прав был «Делон». И сам Дурной тащил полон в острог только, чтобы отсрочить единственное возможное решение. Надеялся на какое-то чудо... Вот Ивашка им и стал.

По счастью, уже в первый день атаман прошелся среди полоняников и сразу выделил среди них шестерых человек, что и одеты были странно, и говорили по-особому. Знакомые интонации!

– Нихао, – выдало подсознание беглеца из будущего.

И попало в точку! Оказались в полоне шестеро обозных китайцев. Нашлась и пара амурских пленников, что могли с ними потолмачить. Четверо жителей Поднебесной были пушкарями и пришли из далекого Мукдена, где служили при Истинном Белом знамени. А еще двое попали в обоз в Нингуте и были... Дючеры сами толком не могли объяснить, и лишь с пятой попытки Дурной догадался: ссыльные. Враги режима, так сказать.

В тот же час Санька велел отделить китайцев и их толмачей. Оказалось, вовремя – эти пленники всё еще были живы.

– Никанцев кончать не смей! – зло приказал Известь «Делону».

– А я и не собирался, – улыбнулся Ивашка, словно, и не приказывал только что убить больше ста безоружных человек. – Те никанцы нам пригодятся. Особливо, пушкари.

Дурной, как раз больше надеялся на ссыльных. Вдруг это какие вельможи, что рулили империей при прежней династии?

Только вот заняться пленниками всё не выходило. В пути – куча дел. В Темноводном – еще больше. А потом поездка в род Чохар... Тут Дурной и думать про китайцев забыл! Счастливый молодожен растворился в своей избраннице... Какие еще дела!

В Темноводном, опять же, не только свадьба была. Казаки втихую для своего атамана начали избу ладить. В две клетки! Растроганный Санька попытался было отнекиваться, но тут не только свои, но и Нехорошко заявил:

– Ну, что ты за атаман такой! Со всеми вповалку живешь. Жена, опять же. Княгиня, не абы кто. И ты у нас теперь... почитай, князь!

– Вот так даже не шути! – одернул десятника Дурной. – Ты лучше меня знаешь, кто вокруг Кузнеца вьется и что там про меня шепчут. Не надо мне новых проблем.

Турносу после битвы Санька стал доверять. Раз уж десятник его спас от смерти, то теперь и дальше с ним повязан будет. Другое дело, что и приказному Нехорошко тоже верен. И не только он. Надо эти байки про «князя» в зародыше душишить.

Новой проблемой стали местные «гости». Если Аратан, Индига и Соломдига давно «прописались» в остроге, то остальных рядом с собой казаки не очень желали видеть. Дурного, с одной стороны, расстраивало, что процесс «слияния» народов постоянно сбивает. Но с другой: право жить вместе, действительно, заслужить надо. Как и доверие. Так что пришлые дауры и тунгусы начали строить выселок севернее Темноводного. Туземцам дали сухого леса, некоторые из них даже огородики успели разбить.

Санька с утра до ночи трудился на строительстве дома (своего дома!), чтобы по максимуму оправдать право на личное жильё. Иметь привилегии перед другими казаками казалось ему неправильным... Но жить в отдельном домике с Чакилган – это же чистое счастье. Молодая жена ценила вклад мужа, хотя, ей как раз казалось правильным, что жители острога что-то делают для своего предводителя.

Между тем, с юга на север, на амурские земли неуклонно накатывал май. Прекрасный, зеленый, свежий май, укутывающий весь мир сочной травой, нежными листьями. Даже вечные иголки елей, сосен и лиственниц наливались совершенно новым приятным оттенком. Хотелось жить, хотелось гулять! Рвать первые полевые цветы и дарить их любимой женщине.

Но май волновал Дурнова и по другой причине. Амур очистился от последних белых пятен, вернув себе хмурую, но благородную черноту. Вновь вернулось время навигации – а значит, пришла пора идти к Кузнецу. Опять. Ясак собран, даже с избытком. Да и из боевой добычи немало отложили. Будет чем порадовать приказного и остальных.

Хотя... Каждый визит Саньки к Кузнецу заканчивался не очень хорошо. Не было понимания. Кузнец не видел и не хотел видеть тот путь, который проповедовал беглец из будущего.

Но ехать надо.

– Уезжаешь? – всплеснула руками Чакилган. – Мы же только-только...

– Надо, черноглазая, – вздохнул Санька.

– Тогда и меня возьми! Я с тобой!

Юноше очень не хотелось говорить «нет» любимой. Но он помнил прошлое. Как познакомился с пленницей, как украл ее, как сидел за нее в железах... Незачем в Кумарском это прошлое напоминать.

– Но... Но зачем тогда ехать прямо сейчас? – искренние слезы набухали на глазах княжны. – Нельзя, что ли, позже отдать проклятый ясак?

«Можно, – не сказал вслух Санька. – Можно, родная. Но...».

Но не только «долг перед царем-батюшкой» звал Дурнова в дорогу. Манила его большая загадка. Практически, тайна.

Тайна «воровского полка».

Глава 3

«Уже в самом начале освоения Сибири, многие трудящиеся не желали терпеть над собой власть формирующегося самодержавия. Простые крестьяне, промысловики вместе с сознательными представителями служилого сословия выступали против проворовавшихся воевод, купцов, что наживались на обмане бедноты. Они поднимали восстания, объединялись, били народным кулаком по власти предержавшим и бежали в Даурскую землю, которая считалась местом свободы, в котором нет эксплуатации и угнетения. Ярким примером такой борьбы стало выступление полка Михаила Сорокина...».

Николай Маркович, говоривший на диво гладко, но холодно, вдруг резко оборвал сам себя и посмотрел на Саньку, которого готовил к поступлению в вуз.

«Примерно так и будешь говорить на экзамене» – улыбнулся учитель.

«А что, на самом деле, всё не так?» – удивился абитуриент из подворотни.

«На самом деле всё не так... однозначно, – запнулся на миг Шаман. – Были и проворовавшиеся воеводы, и купцы-кровопийцы были. Но полк Сорокина в документах называют не иначе как воровским. И у этого имелись свои основания».

Тогда-то, еще в прошлой жизни, Дурной и узнал загадочную историю «воровского полка». Историю, которая развивалась прямо сейчас! Пока атаман Темноводного изо всех сил бил Минандали, а потом изо всех сил женился.

Бунт случился в верховьях Лены, на главной транспортной артерии между Прибайкальем и Якутией. В Верхоленский острог послали 40 служилых людей. Частью из якутских казаков, а частью из ссыльных. Судя по именам, были это черкасы да литвины. Среди и начался бунт, который Михаил Сорокин готовил с зимы еще. 25 апреля 1655 года его люди открыто заявили, что самовольно пойдут в Даурскую землю и звали с собой верхоленских казаков. Но те заперлись в острожке. Сорокин забрал из церкви местное знамя и велел всем подельникам признать его атаманом и никаким более воеводам не служить. Восставшие тут же стали грабить местных и купцов с промышленниками, что проплывали по реке. Отовсюду стекались в «воровской полк» крестьяне, кабальники и гулящий люд. Благодаря грабежам, они были хорошо снабжены и вооружены. В начале мая отряд пошел по реке, грабя направо и налево. Иных купцов обдирали на несколько тысяч рублей! Это... по словам самих купцов. «Три портсигара замшевых», ну, вы в курсе.

Совсем скоро, 15 мая, Сорокин нападёт на Усть-Кут, где идет богатая по местным меркам ярмарка. Служилые запрутся в острожке, но торговые развалы достанутся сорокинцам. Более того, 18 мая здесь на «воровской полк» наткнется караван с оружейной казной! Сорокин велит всё отдать ему, но охрана встанет на защиту государева имущества насмерть – и бунтовщики уступят. У них и так всего много.

В это же время в другом отряде служилых поднял бунт брат Михаила, Яков. Он вовлек в мятеж 25 казаков, остальных членов отряда разоружили и раздели. Собрав местных недобровольных, Яков осадит столицу воеводства Илимск! Потом двинется вслед за братом, который пойдет вниз по Лене. 25 мая Яков снова осадит острожек в Усть-Куте, но также не сможет его захватить и подожжет.

Отряды соединятся, и общая численность «воровского полка» достигнет трех сотен, среди которых более 50-ти – это опытные профессионалы. Поскольку вся Лена уже гудела, и отовсюду сюда стекались верные властям силы, «воры» вошли в Олёкму и направились на Амур по давно известному пути.

Вот...

Беда в том, что больше никто и ничего о «воровском полке» не слышал. Три сотни отлично вооруженных людей на многих дощаниках просто растворились! Они не вернулись

назад, так как воевода Оладьин поставил на Олёкме заставу. Но и на Амуре их не видели. Огромная толпа, не сильно уступающая по числу полку Кузнеца, просто исчезла.

«Есть только одно упоминание, – добавил тогда учитель. – Косвенное. В 1656 году Кузнец писал в очередной отписке, что узнал, как в прошлом году (то есть, в 55-м) дючеры напали и перебили 40 неизвестных служилых на двух стругах и барке. Но что это были за люди – Онуфрий Степанов не знал. Может, это остатки «воровского полка»? Мы уже никогда не узнаем».

Санька смотрел в сырые от слез глаза Чакилган, а невольно думал совсем о другом.

«Может быть, я узнаю?».

В Кумарский острог отправились в середине мая. Санька взял с собой Ивашку с Турносом – самых вроде бы ненадежных. Всё, чтобы показать: мне, мол, скрывать нечего. Острог в устье Кумары стоял нерушимой твердыней, но повсюду виднелись следы осады и побоища: развалины лагеря Минандали, немалый погост прямо у стен крепости да курган, под которым, видимо, маньчжуров схоронили. Над амурским берегом висел стойкий запах древесины. Казаки ладили новые дощаники, ибо старые враг уничтожил полностью.

Дурнова приняли в той же избе, что и в прошлом году. Так же на лавке гордо восседала местная старшина. По правую руку от приказного – уже знакомый Бекетов, слушавший Дурнова с большим интересом. А по левую – опять какой-то новый незнакомый дядька. Кузнец сидел меж ними, ровно кол проглотивши. Видно было, как хочется ему упереть кулаки в бедра да локти расставить – но никак.

«Смотрящий за Темноводным» отчитался по ясаку, особо отмечая добровольность сдачи оного, но приказного больше интересовало сражение на берегу Амура. Разумеется, такое не утаишь, и Санька начал излагать официальную версию, над которой думал все минувшие недели.

– Нешто правда, дауры с вами рука об руку ратились? – подался вперед Бекетов.

– Так и есть, – кивнул Дурной. – Мы, как увидели богдойское войско, так и послали к ним за помощью. Шесть родов даурских и один тунгусский воинов прислали. Потому мы и выступили так поздно... но одним Темноводным было боязно против такой орды биться.

Это был главный аргумент, чтобы объяснить, почему люди Дурнова не пришли на помощь в Кумарский. Мол, ждали подмогу, спешили, как могли, да маньчжуры уже назад повернули.

– И каковы дауры в бою? – продолжал пытаться атамана Бекетов.

– Конечно, не чета русским воинам, – польстил своим Санька. – Но бились мужественно, стараясь нам ни в чем не уступить. Но мы и сражались не с самими богдойцами, а лишь с дочерскими отрядами.

– И чего же те дауры так вас любят? – подал голос из темного угла Артюшка Петриловский.

Вопрос был, конечно, задан не ради ответа, а чтобы показать всем, что Сашко Дурной юлит да недоговаривает.

– А того, что по-людски с ними себе ведем! – моментально взъерошил загривок Известь. – И дяде твоему так следовало делать! Глядишь, и к вам на помощь пришли – не пришлось бы по весне в осаде сидеть...

– А ну, будя! – прикрикнул Кузнец. – Каждый год одно и то же: псина да кошка. Суть излагай, Сашко.

– То суть и есть, – Санька говорил это уже не приказному, а Бекетову, поскольку еще в прошлом году ему показалось, что сын боярский сможет его понять. – Мы с ними по-людски, они – с нами. В прошлом году за мной только слова были. А ныне дауры делом подтвердили.

– Речешь, словно, былины сказываешь, – Бекетов грустно улыбнулся. – Не привык я, что так бывает. Неужто вот так просто всё: добро за добро?

– Ну... не только, – смутился Дурной. – Мы им равную долю в добыче обещали. Это тоже поспособствовало.

Среди казаков прокатился негромкий смешок.

– И велика добыча была? – подал, наконец, голос незнакомец по левую руку от Онуфрия.

Санька сначала промолчал, демонстрируя всем своим видом: а ты кто такой, дядя? Но ответил, не менее демонстративно повернувшись к Кузнецу.

– Мы ж богдойцев не разбили. Я дурак, что полез на них – тех уж слишком много было. Наверное, с тысячу мы положили, но много больше живыми ушли. В порядке и при знаменах. Так что добыча не особо велика. Еды, считай, совсем не было. Коней меньше двух десятков. Вот оружия всякого да одежды много. Я лучшее отобрал и тебе привез, Онуфрий Степанович – можешь в Якутск отправить.

– А порох? – Кузнец спросил таким тоном, что ясно: здесь казаки на таком же голодном пайке сидят.

– Немного взяли, – уклончиво ответил Дурной. – Но нам и самим его не хватает. Мы же две пушчоночки у богдойцев умыкнули. Теперь хоть есть чем Темноводный оборонять. А свинца вовсе не было.

– Ты, Сашко, иди, пожалуй, – оборвал вдруг допрос Кузнец. – Обожди меня у пороховой избы. Я там тебе ядер для пушек дам – мы весной по округе 350 штук наковыряли.

Удивленный Санька встал и вышел. Что за тайны приказной разводит?

Глава 4

– От сынов боярских на Амуре продыху не стало! – злой Кузнец пришел к пороховой, наверное, через час.

– От сынов? – удивился Дурной. – Ты про Бекетова, Онуфрий Степанович?

– И про ево! – рыкнул приказной. – Это ты с чего-то Петрушке в рот смотришь, а вон та еще...

Кузнец не договорил.

– Но ладно бы Бекетов. Тут же Сатана еще одного послал.

– Это тот, что слева сидел?

– Он, проныра. Пущин. Федор. Не слыхал?

Санька пожевал губу, но, к удивлению, не вспомнил про такого дворянина на Амуре. Странно. Может, началась уже альтернативная история?

– Не слышал, приказной. А кто таков?

– Из томских служилых. Токма он там семь годов назад в смуте замазался. И сослали Федорку в Якутск пятидесятником. Отправил воевода Пущина на Аргунь инородцев ясачить, да не задалось у ево. Людей растерял, ясаку не собрал, по реке в нуже сплавился и вот ко мне прибился... Ишшо один. Ровно кто в реке котят топят, а я сижу и подбираю. Ничо... Дострою дощаники и ушлю ево в Якутск.

Теперь Саньке понятно стало, отчего так неуютно чувствовал себя Кузнец. Вроде и приказной, а вокруг слишком много начальства. Поучают еще, небось. В такой ситуации и дельные советы бесят.

«Видно, потому он меня сюда и усрал, – догадался Дурной. – Чтоб наедине поболтать».

Но Кузнец молчал. Внутри приказного кипело – видать, непростые разговоры велись за спиной у беглеца из будущего.

– Мне надо бояться? – прямо спросил Санька.

– А? – Онуфрий резко вышел из своих дум. – Да не... Хватит тебя уже по порубам таскать... Ты мне вот чего скажи: силен ли еще тот богдойский воевода? Далеко ли ушел? И чего ждать?

Интонации выдали Кузнеца – он ждал пророчеств. И, как назло, именно сейчас Санька не мог использовать своё послезнание – ведь сам уже вмешался в ход истории. Несильно, но с непредсказуемыми последствиями.

– Несильно мы его потрепали, – вздохнул атаман Темноводного. – Не более тысячи положили. Вот и считай, сколько осталось – ты лучше его войско изучил. Важно то, что он сохранил самые боеспособные войска.

Кузнец считал и мрачнел.

– Думаешь, вернется?

– Минандали? Нет! Он же издалека пришел. Из столицы богдойской. Туда и пойдет...

Дурной задумался. В реальной истории Минандали смог выдать неудачу за частичный успех. Мол, я русских бил в хвост и в гриву, да еда кончилась. Вот и вернулся. И, видимо, Пекин успокоился. А теперь? Теперь цинский генерал понес гораздо более сильные потери.

«Да не! – успокаивал беглец из будущего сам себя. – Маньчжурские части он же сберег. А кто будет считать побитых дикарей с севера! Так что можно отчитаться императору также: рубал, пока рука не устала... Хотя...».

– Того воеводы нам бояться не надо, приказной. Он ухал в столицу и не вернется. А вот в Нингуге сидит Шархуда – ты с ним прошлым летом воевал на Шунгале. Вот того не обманешь. Он понял, что мы Минандали побили. Понял, что у нас сила есть. И будет своих готовить пуще прежнего. Он точно вернется.

Кузнец странно смотрел на Дурнова.
– Когда? – одними губами спросил он.
– Не ведаю.

И Санька не врал. В реальной истории Шархуда придет на Амур через три года, в 1658-м. Придет и покончит с полком Кузнеца. Но сейчас всё может измениться. Испугавшись разгрома Минандали, Шархуда может начать готовиться тщательнее. И, значит, дольше. Или наоборот: помчится в панике в Мукден, в Пекин – за подмогой. Получит ее и придет гораздо раньше...

Черт!.. Как опасно вмешиваться.
– Правда, не ведаю, Онуфрий Степанович.
– Но хочь не этим летом?
– Это вряд ли! А зачем тебе?
– Надо за Шунгал-реку идти, за хлебом.

Санька закатил глаза.

– Не ходи, Кузнец! Ну, опять одно и то же!
– От и есть, что одно и то же. Переговорено уж. У тебя словеса, а мне людей кормить надо. Твоими речами сыт не будешь.

– Это не я, это ты одно и то же делаешь. Уже третий год, как Хабаровова нет. А пашни не заведены. В том году ты не пахал. В этом опять считаешь, что лучше дочеров грабить, чем самих в поле спину гнуть. Оглянись вокруг Кумарского! Тут род князя Емарды жил. Пашни за несколько лет отдохнули, но не заросли еще – работы крохи!

– Мы здесь за царя-батюшку ратимся! – поднял голос Кузнец. – Против вражьей тьмы осаду держали.

– С той осады почти два месяца прошло, – вздохнул Санька. Махнул рукой. – Просто вы пришли сюда хапать. Хапать всё, что плохо лежит. Вам же так проще, чем трудиться. Смотри, Онуфрий Степанович! Дауры с низов уже ушли. От таких гостей, как вы, и дочери уйдут. С кого потом хлеб брать будешь? Или с белок станешь орехи трясти?

Кузнец криво усмехался. Дурной видел, что тот понимает. По крайней мере, последнюю мысль про то, что скоро закончатся те, кого можно грабить.

«Понимает, но ничего не делает, – покачал головой Санька. – Не хочет напрягаться. Принуждать лихую свою банду заниматься трудом, а не грабежами. Просто потому, что сам не хочет тут жить. Приехал, дал по шам, поднял бабки – и свалил. А что с этой землей будет потом – насрать ему...».

– Не любишь ты Темноводье, Кузнец.

Приказной долго молчал.

– Не люблю.

Смачно харкнул на землю, словно, подтверждая свое заявление.

– Ядра сам подберешь.

Развернулся и ушел.

Никогда еще Дурной не возвращался от приказного таким злым. Вроде, наоборот, на этот раз всё прошло без проблем, а осадочек остался крайне неприятный. Словно, макнулся в нечистоты. С удивлением Санька осознал, что у себя в Темноводном жил, будто, в особом мире. Далеко не идеальном, конечно. Но там чувствовал какой-то дух братства. Почти в каждом сидело желание трудиться и созидать, желание прийти ближнему на помощь. Даже к местным отношение становилось всё лучше и лучше; после битвы с Минандали казаки даже братались с отдельными даурами. Причем, это касалось не только изначальной ватажки. Кашинские прибились – и легко переняли этот «дух». Отряд Нехорошко послали доглядывать за «ворами», а и среди них уже появились сторонники нового образа жизни.

«Место что ли заколдованное?» – иной раз шутил беглец из будущего.

А в Кумарском всё иначе. Вроде, дружны землепроходцы, веет от полка Кузнеца мощью и силой. Но еще сильнее смердит страхом. Неистребимым страхом, что найдут и накажут. Даже, если ничего не сделал. Ну, а коли, в любом случае, придет неотвратимая кара – тогда лучше уж сделать! Захапать, задуванить, обобратить, пустить в обвод! Хоть, полушку, а урвать себе от этого «ничейного» пирога.

«Такая богатая земля, – вздыхал Дурной, сидя на носу дощаника. – А для них она не своя. Просто ничейная. Хватай, что плохо лежит, и плевать, что будет дальше».

Он давно уже сравнивал войско Хабарова (а после и Кузнеца) с саранчой, которая объедала всё на своем пути. Богатый обжитый край запустел за десяток лет. Онуфрий Степанович писал воеводам год за годом о постоянной «хлебной нуже», о том, что «людишек не стало», что давать ясак некому.

– Вот он что, правда, что ли, не понимает, что сам всё это и породил? – Санька уже начал вслух бормотать, разговаривая сам с собой. – Ну, в этот год ему еще удастся дючеров на Сунгари обобратить. А будущим летом он там уже никого не найдет. Шархуда не дурак, понял, что Минандали никого на разбил. И дючеров также переселил, как до того дауров... А Кузнец только руками разводил, да царю-батюшке отписки слал... Слёзные...

Дурной аж застыл, пронзенный воспоминанием. Вспоминал-вспоминал Кузнцовы отписки, да вдруг и вспомнил! Вспомнил загадочного сына боярского Федора Пущина! И впрямь приперся тот в Кумарский после осады, всего лишь с несколькими служилыми, что остались у него с Аргунской экспедиции. Мало, совсем мало сведений было про этого дворянина, но те, что имелись, теперь вдруг напугали Саньку. Да так, что заорал он не своим голосом:

– А ну, наддай, братья!

Глава 5

Федор Иванович Пушин прилип к Кузнецу, что банный лист. Приказной раз за разом (трижды!) норовил его услатить в Якутск или на Аргунь, а сын боярский снова оказывался при нем. Либо вдруг изъявлял желание плыть, куда не велено. К морю, например. Но это ладно. Странно? Да. Но неопасно. Зато вот прямо сейчас...

Прямо сейчас Кузнец изо всех сил выпихивает Пушина обратно в Якутск. И выпнет. Да только Пушин вскоре вернется и заявит, что даже до Урки не доехал. Мол, дауры его не пустили. Все бунтуют, на русских нападают... Возможно. Только вот в чем дело: Пушин вернулся в Кумарский острог с ясырями, то есть, пленниками. И где их взял – толком не объяснил.

Так что... Что если всё было наоборот? Не дауры на Пушина напали, а он на них! Там, в верховьях Амура, местные дауры русских уже года три-четыре не видели. Разве что Зиновьев мимо проплывал. Успокоились они после кровавого похода Хабарова, вернулись в заброшенные городки и улусы. Снова подняли хозяйство. И Пушин со своими людьми мимо этого спокойно проплыть не смог. Хочу чужое! Вот и напал на дауров. Но те, видимо, настороже были – и лоча получили в ответку.

«А меня-то за что?» – разобиделся Пушин и вернулся обратно к Кузнецу. Жаловаться.

Логично выходит? Логично. И почему же это страшно? Да потому что, вскоре, в этих местах и должен был объявиться «воровской полк» Сорокина. Ехали бунтовщики на Амур за вольной сладкой жизнью – а попали в разворошенный улей! Может, поэтому-то и не было никаких известий про «воров»? Истребили их дауры с верховьев? А оставшихся 40 человек потом дючеры в устье Сунгари добьют.

– Наддай, братья!

...Они как раз волокли дощаник бечевой по Бурханке (до Темноводного меньше полверсты осталось), как вдруг навстречу им вырулили... шесть китайцев. Идут, деревянные лопаты на плечах, что-то синхронно мяукают – видно, песню напевают. Казаки аж веревку выронили.

– Этта что такое?! – Дурной заорал дурным голосом, выпучив глаза.

Китайцы вмиг испугались и сиганули в кусты.

– Держи никанцев!

Ловля беглецов продолжалась почти час. По итогу схватили всех, кого-то в сердцах помяли при ловле. Но повязали и гордо ввели обратно в острог.

– Что творите, ироды! – это на вернувшихся казаков вдруг накиннулся Ничипорка.

Возможно, молодого коваля быстро заткнули бы, но рядом сподобился оказаться Тимофей Старик. А этого и сотня не упокоит.

– Чортовы дитя, гаспидовы внуки! Чо удумали, мрази кобилячи! Разум в силу утек? Так идитя с богдойцами ратиться! Каты свинячи, одно слово! Вы б еще с дитятками подрались! Позорище!

– Хорош! – попытался взять на глотку Ивашка... но куда там!

– Я те дам «хорош»! – Старик морщился от боли в руке, от чего злость его удесятерилась. – Витязи плюгавые! Язык где ваш? Али третья рука заместо него отросла?

– Да объясните уже! – разозлился в ответ Известь. – Почему ясырники по лесу ходят? Кто упустил?

– Не упустил, а отпустил! – Ничипорка подскочил к атаману и буквально вырвал у него веревку. – Отдай, Сашко! Отдай Гуньку! И этих...

– Гуньку? – Дурной почувствовал, что отсутствовал в Темноводном не десять дней, а полгода – и все тут успели сойти с ума.

– Сашко, он же мастер! Настоящий. Увидел, как я в кузне маюсь, подсел и принялся перстами тыкать: энто, мол, так содей, энто – этак.

Ничипорка враз потускнел.

– Как Корелу порубили... Я ж ничего не ведаю, атаман. Токма и умею: мех качать да кувалдой бить. А Гунька – мастер. Ты бы видел, что никанцы за седмицу содеяли!

– То верно – работяшши нехристи, – важно подтвердил Старик. – Не то, что вы, шишиги!

Вот так. Покуда у Саньки не хватало времени выяснить подноготную пленных китайцев, за него это сделали другие. Ши Гун, он же Гунька, оказался не только пушкарем, но и кузнецом, сам втерся в доверие к Ничипорке, собрал своих в артельку. А за седмицу из имеющегося кирпича жители Поднебесной содеяли большую печь с высоченной трубой... Ну, почти содеяли. И шли за глиной, чтобы доделать.

А тут бдительный Дурной со товарищи...

«Сегодня же! Сегодня же каждого опрошу!» – твердо пообещал себе атаман... и не выполнил.

Потому что дома (еще в недостроенной избе) сразу был атакован. Тонкими жадными руками, густыми черными волосами, томными влажными губами (сам ведь научил!).

Ну, что... Сдался, конечно. Разве против такой армии устоять? Нет! Боролся героически! До последнего! Со всей положенной страстью. Но в итоге – сдался. И рухнул обессиленно на грудь победительницы.

А потом и впрямь битва случилась. Уже без метафор. Потому что неосторожно обмолвился своей Чакилган, что надо ему как можно скорее снова спускать дощаник на черную амурскую волну и плыть. Теперь еще дальше и на еще больший срок.

– Но почему? – княжна села в постели, притянув волчке покрывало к взволнованной груди. – Или тут тебе дел нету?

Отвернулась к стенке, которую надо еще было проконопатить.

– Я надоела тебе...

Тусклый голос. И идеально выверенная интонация: то ли вопрос, то ли утверждение. Санька заломил руки и принялся разубеждать молодую жену. Сил пока хватало только на словесные методы. Чакилган не хотела поворачиваться, выдергивала ладонь из его рук. А, когда все-таки повернулась, лишь бросила коротко:

– Не пушу.

Ну, что делать? И Санька, вздохнув, решился приоткрыть ей свои мысли и опасения. Поведал девушке про прилипчивого сына боярского Пущина, про то, как он верхнеамурских дауров на мятеж спровоцировал (или еще спровоцирует). И как бунтовщики могут перебить три сотни совсем сторонних людей.

– А тебе эти люди нужны?

Атаман кивнул. Еще как нужны! Именно они! Конечно, с «ворами» Сорокина придется быть настороже. Но главное то, что у этих людей позади все мосты сожжены. В царской земле все они – тати и душегубы. А значит, здесь, в Темноводье, они могут захотеть начать новую жизнь. Вложиться в нее всей душой, всем сердцем. Что и нужно Дурнову. Надоели ему временщики, надоела «саранча», которая на Амур только хапать приезжает. Этой земле нужны другие люди.

Да и пример у него отличный был. В 1665 году (пока это еще будущее) ссыльный служилый литвин Никифор Черниговский на Лене убьет воеводу, с отрядом «воров» бежит на Амур, который маньчжуры уже «очистили» от русских. И эти «воры» восстановят Албазин. Именно они превратят его в настоящий острог, поставят острожки поменьше, возобновят сбор ясака, организуют первые поля. Именно благодаря «ворам» русские еще на два десятка лет задержатся на Амуре. А временщики Поярков, Хабаров да Кузнец на это оказались неспособны.

– Нужны, милая! Ой, как нужны! – улыбнулся Санька, радуясь, что его жена так хорошо его понимает.

И услышал в ответ.

– Всё равно не пуцу.

Атаман нахмурился. Но Чакилган добавила:

– Одного – не пуцу.

– В смысле?

– Ты в далекие земли поедешь. Там совсем другие дауры. Мы здесь – сахарча, у нас свой мир, а у них свой. Северяне гордые. Ты их не знаешь, а они тебя – и подавно. Для них все лоча одного покроя. Надо им объяснить... Ты должен взять с собой Чохар. Мы хоть и не совсем дауры, шинкэн хала, но моего отца на севере должны помнить. Галинга такой же, как они. Только лучше их всех. Так что людей Галинги северяне послушают. А Чохар расскажут им, какой ты хороший.

Дурной моментально зарделся. Чакилган не в первый раз говорила ему это. Именно это русское слово, которое нравилось ей «на вкус». Хороший. И каждый раз смущала мужа своей прямотой. Но зато смысл сказанного Санька уловил сразу. И не мог не одобрить.

«Княжна – одно слово!» – с любовью посмотрел он на свою мудрую жену.

С утра отплыли на север. Домчали на дощанике мигом – да только кочевой род пойдя сыщи! К тому же, коней у них не было. Пришлось плыть до береговых Шепка, брать у них коней, рыскать по правобережью Зеи, пока не нашли становище Чохаров.

Галинга зятя с дочкой принял, в положение вошел. И людей пообещал дать. Только теперь другая проблема – дауры не влезали в дощаник, так что обещались прийти в Темноводный на конях. Вот так потерял Санька весь остаток мая и июня чуток. И Пущина уже точно упустил.

Глава 6

Мимо Кумарского плыли глубокой ночью, стараясь не плескать вёслами. Подлая луна светила изо всех сил, так что ждали за утесом, пока та не спустится пониже. Два дощаника медленно ползли вдоль дальнего от острога берега, стараясь, чтобы их не заметили.

Дурной не хотел афишировать своё путешествие.

С собой он взял 34 казака – пополам старых и новых. Зато все – лучшие бойцы, отлично снаряженные, все с кремневыми пищалями и солидным запасом порохового зелья. Медведь-Делгоро привел с собой около 20-ти батаров, тоже хорошо одоспешенных. Половина – с фитильными китайскими мушкетами. Отряд вышел маленький, но крепкий и огневой. В случае стычки с даурами – прикурить им даст.

После Кумарского распустили паруса да налегли на вёсла. Дощаники резко прибавили в скорости. Места теперь были незнакомые почти для всех. В знаменитом походе Хабарова участвовали разве что Тютя да еще два-три ватажника. Только они и помнили стоявшие на берегах Черной Реки опустевшие ныне городки. Помнили по именам разгромленных князей.

– О! Это Гуйгударов град!

– А вона Чурончин! Или Дасаулов?

– Там Агуя ставка была.

– А вон и Якса, – уверенно улыбнулся Тютя. – Тута мы Албазу и порубали.

– Где Якса? – тучный Делгоро встал из-за весла и подошел, походу распахав казаков.

– Ты... Бугай! – зароптали недовольные лоча, но чохарский «принц» их даже не слушал.

– Здесь батка мой ратился, – произнес он, не отрывая глаза от голого берега. – Богдойца бил...

Все притихли. Дощаники сбавили скорость, но упорно ползли вверх по Амуру. Берега Черной Реки были безлюдны, не только городки, но и редкие улусы смотрелись совершенно заброшенными. Похоже, Пуцин успел тут основательно нашуметь. А с ним-то и людей было – кот наплакал!

– Глянь-кося!

Дурной метнулся к правому борту. По жидкому перелеску, спускавшемуся к самой воде, мелькали тени. Какие-то люди, пригибаясь, скрытно, уходили прочь от берега.

– Руль вправо! – скомандовал атаман. – Осторожно идем.

Перелесок скрывал мелкую речушку, что впадала в Амур. А ее заросшем русле стадом тюленей сбились дощаники. Семь штук, причем, два таких огромных, что страшно представить, как такие через Тугирский волок тащили.

– Вот и сыскались «воры», – пробормотал Санька. – Делгоро, расставь дозоры вокруг! Тютя, собирай людишек для осмотра.

Все дощаники оказались негодными для плавания: где-то порублены, где-то пожжены. Естественно, никаких «воров» тут не было, равно, как и их вещей.

– Кажись, те бегунки суденышки-то и доламывали, – со знанием дела сделал вывод Митька Тютя.

– И обобрали всё они? – поинтересовался Дурной.

– Э, не, – улыбнулся дончак. – Я маю, хозяева сами всё сволокли. Вишь, с заботой всё было прибрано...

– Значит, живые они? – оживился Санька.

– Бог ведает, – пожал плечами Тютя. – Но тута их не порешили. Крови нет, мертвяков тож.

– За бегунками идти надо! – влез в разговор Нехорошко. – Тама и хозяев найдем – чую я!

– Не... – Санька сдержал бой заколотившегося сердца. – Больно темно уже. Вдруг долго идти? А нас уже увидели – на засаду напоремся.

Отряд из Темноводного вернулся на суда и отошел поближе к левому берегу Амура. Санька приказал на ночь с дощаников не сходить. С самого рассвета, оставив на бортах несколько человек, высадились на правый берег. Следы читались отлично: и вчерашние от «бегунков» и более старые.

– Много людей шло, – сообщали даурские следопыты. – И с боем шли. Кровь видно.

Ближе к обеду отряд даже вышел на какую-то дорогу, что петляла по голой низине меж заросших сопок. Неизвестный отряд с дощаников явно прошел по ней, подозревая, что все дороги куда-то да ведут.

«Куда вот только?» – задумался Дурной. И вселенная быстро дала ответ.

Полузаросшую дорожку перегородило войско. Более двухсот дауров – наполовину конные, наполовину пешие – явно ждали незваных гостей и изготовились к бою. А далеко за их спинами, где-то в полуверсте, возвышалась лысая горка со срезанным склоном. Макушку той горки оседлала небольшая деревенька. Под хлипким частоколом носились еще дауры – их число толком не определить.

– Ох, чую, у том острожке наши братья незнаемые с дощаников сидять, – вздохнул кто-то из казаков.

– Запоминайте, – пустил приказ по рядам Дурной. – Если бой начнется, то первый залп в пехоту.

– Да с чего? – удивился Турнос. – У их в конях вся сила.

– Да. Но мы стреляем – и бегом в лес. Конница в лес не сунется. Я их породу уже знаю, с коня ни одному всаднику слезать не хочется. Так ведь, Делгоро? Пока они додумаются, мы за деревьями перезарядимся и уже по коннице бахнем. Ясно?

– Да, чево ты изволновался! – улыбнулся Тютя. – Их тута тьфу да маленько! Порубаем в пень!

Санька покачал головой. Конечно, две сотни – не так и много. Только отряд его не для боя в открытом поле снаряжён. Более сорока пищалей – это круто. Но у стрелков защиты почти нет. Копий у бойцов совсем мало, всё больше топоры да сабли. Такой силой пехоту трудно остановить, а конницу... конница их сметет. Такому отряду идеально с дощаника бой вести – тут они и тыщу врагов положили бы... Наверное.

– Ты вдаль смотри, Тютя, – повернулся он к дончаку. – Во всех смыслах. Ну, этих мы перебьем. Только там вон еще воинов немеряно. А у нас уже стволы забьются. Чем остальных бить будем? Одними сабельками?

Санька оглядел казаков.

– Не. И так врагов многовато. Нечего новых плодить.

Дурной срезал две большие зеленые ветви, поднял их над головой и медленно пошел вперед. Когда почти дошел до границы прицельного выстрела из лука, начал призывно махать руками. Дауры долгое время хмуро смотрели на эти однозначные призывы, но, в конце концов, четыре всадника отделились и пошли на разговор.

– Меня зовут Сашко Дурной, и я пришел говорить с вами о мире и дружбе, – заговорил атаман на почти чистом даурском.

Парламентеры, пришедшие явно с самыми мрачными намерениями, на миг смешались.

– Хорошо говоришь, лоча, – хмыкнул крайний левый.

– Только нас не интересуют разговоры о мире и дружбе с вашим родом, – оборвал того явно главный в четверке.

– Не спеши, почтенный, – возразил Санька. – Назови свое имя, и я обещаю тебе, что мы найдем предмет для разговора.

– Не для твоих поганых ушей мое имя, – еще более надменно ответил главарь дауров.

- Но подожди! Хотя бы, послушайте меня!..
- Лоча так настойчиво просит, – сухо прокряхтел самый старший из переговорщиков. – Значит, нож за его спиной уже просит крови...
- Иди к своим, демон, и приготовься к смерти, – добавил главный.
- Если мы вынем сабли, смерть придет ко многим! И вы нас не переживете! Я же хочу сохранить нам всем жизнь...
- И как такие трусы раньше одолевали нас в бою? – старший даур уже обращался к своим товарищам, считая разговор с лоча законченным.
- Санька нервно сжимал кулаки, не зная, как заинтересовать их. И тут тяжелая ладонь легла на его плечо.
- погоди, Сашика, – на шаг вперед Дурнова вышел Делгоро, полностью заслонив своей тушей от переговорщиков.
- Смотрите, у лоча есть свой ручной даур! – демонстративно рассмеялся самый правый из противников, что старательно горячил свою вороно-чалую лошадь.
- Делгоро, словно, не слышал нахала, и повернулся к левому всаднику.
- Пусть дни твои будут долгими, князь Лобошоди! – степенно поклонился он. – Я издали узнал бунчуки рода мэрдэн, и рад видеть тебя в добром здравии!
- Я тебя знаю? – уже во второй раз удивился левый даур.
- Я видел тебя, будучи совсем юным, князь, так что ты можешь не узнать во мне того тихого мальчика...
- Мальчика на побегушках у лоча! – правый даур аж на стременах привстал, стараясь уязвить парламентаря, но Лобошоди резко вскинул руку, и Правый замолчал.
- Как звать тебя?
- Мое имя Делгоро из рода Чохар. Я сын Галинги.
- Словно ветерок прошелся по четверке всадников. Они враз переменились в лице, и на какое-то время смолкли.
- Как здоровье славного Галинги? – наконец, спросил старший из князей.
- Духи хранят моего отца от немощи и болезней, стада его по-прежнему тучны, – ответил Делгоро с благодарной улыбкой.
- Это радует меня! – кивнул старший. – Когда-то я встречался с Галингой. Тогда я был тихим мальчиком. А твой отец защищал Яксу с батарами-храбрецами из славного рода Чохар.
- Славная кровь в тебе, Делгоро, – кивнул Лобошоди. – Тем страннее то, что ты идешь рука об руку с этим лоча.
- Этот лоча – мой аоши, – и Делгоро сказал это так, что у Дурнова ком в горле встал.

Глава 7

Аоши – это муж старшей сестры. В даурском так много терминов для самых разных степеней родства, что Санька до сих пор не мог их запомнить, хотя, говорил на этом языке уже вполне свободно. Но «аоши» знал. Ведь это он и был. И не слово его смутило, а интонация. Делгоро сказал это с гордостью. Он гордился своим некровным родственником из чужого роду-племени. Из племени, которое много бед принесло его народу.

Это дорогого стоило.

– Мой аоши, – продолжал Делгоро. – И я пришел к вам для того, чтобы вы его выслушали...

– Смотрю, не так уж и здоров старый Галинга, раз девку свою лоча поганому продал...

– Чипа! – окрикнул Правого старый князь. – Придержи язык! Или не знаешь ты, какой крови дочь Галинги?

– Делгоро, – подался чуть вперед Лобошоди. – Прошу тебя простить неразумные слова Чипы. Род Онон недавно потерял немало людей...

Но Делгоро молчал. Сын Галинги словно окаменел, только правая рука его плавно вынимала из ножен саблю.

– Ежели Чипа трус, рожденный от брехливой суки, я, пожалуй, его прощу, – негромко выговорил Медведь.

«Ох, не по сценарию всё пошло» – вздохнул Санька и тоже положил руку на плечо родственника, чтобы успокоить. Но Делгоро неуловимо вильнул покатыми плечами – и рука тут же слетела.

А князь Чипа, побледнев на миг, быстро выхватил свой клинок, вскинув его над головой.

– Можешь нападать верхом, – снисходительно бросил чохарский «принц». – Я разрешаю. Разумеется, после этого Чипа спрыгнул с лошади.

– Я скормлю тебя псам, слуга лоча! – выкрикнул он и кинулся вперед.

Конечно, это должен быть эпический поединок, который все запомнят и будут рассказывать внукам. Но нет. Дауры сошлись в очень сумбурной и неуклюжей схватке. Было много криков ярости, столкновений саблями и телами. С удивлением Дурной осознал, что Делгоро не особо привычен к пешему бою. Равно, как и его соперник. Чипа выглядел побойчее и клинком орудовал ловко. Но ононский князь был чуть ли не вдвое легче чохарца, и когда последнему удавалось сблизиться на расстояние пинка или удара свободной руки – тут же отлетал метра на три. А в целом, Санька неожиданно осознал, что без коня смог бы одолеть любого из поединщиков – уроки Ивашки проходили не зря.

Чипа дважды проходил защиту Делгоро, но сабля северного даура бессильно клала по доспеху. Уже раза три уставшие от махания клинками поединщики останавливались и восстанавливали дыхание.

Атаман все губы искусал, не зная, как помочь другу. А тот – большой и тяжелый – уставал гораздо сильнее соперника. Наконец, он так упарился гонять Чипу, что остановился и, тяжело дыша, уперся руками в колени. Ликующий северянин крутанул саблю и ринулся в атаку. С невероятной прятью Делгоро вдруг разогнулся, подсел на одно колено, перехватил оружную руку врага, дернул на себя и, ровно овцу, закинул Чипу себе на плечи. Крякнул, поднатужившись, поднял его на вытянутых руках и грохнул оземь. Ононский князь шмякнулся так, что несколько секунд вдохнуть не мог.

Сабля Делгоро в это время свисала на темляке. Неуловимым движением чохар подхватил оружие, взмахнул...

– Нет! Стой! – закричал Дурной, и елмань замерла у самого подбородка Чипы.

– Извинения приняты, – криво улыбнулся Делгоро и шагнул к Саньке.

– Я хочу, князья, чтобы вы выслушали моего аоши. Благодаря которому Чипа остался жив.

Лобошоди и старый князь согласно кивнули. Главный потер подбородок и тоже согласился. Санька, взволновавшись, вышел вперед. Надо было сказать что-то очень важное.

– Я лоча. Лоча, которого вытащили из темных вод Амура. И которого злой Хабара держал в темнице. Я взял в жены дочь князя Галинги из рода Чохар. И я нашел и вернул пектораль Бомбогора – даурского князя, который дрался с богдойцами за свой край. За ваш край.

Князья слушали Саньку, как дети – сказку на ночь. Лобошоди даже после каждой фразы переводил взгляд на Делгоро: не врет ли демон? Беглец из будущего, кстати, догадался, что Лобошоди – это, скорее всего, князец Лотодий из казачьих отписок. И он оказался самым заинтересованным среди слушателей. Побитый Чипа, понятное дело, вообще не слушал. Остальные же князья не могли преодолеть накрепко вколоченное недоверие.

– Хочешь сказать, что ты и есть – новый Бомбогор? – спросил Главный князь.

Санька только в грудь воздуха набрал, но его снова опередил Делгоро:

– Этой весной Сашика повел шесть родов на богдойское войско. Я такое большое войско и не видал никогда. Но мы победили.

Пока дауры пребывали в легком нокдауне от этой информации, атаман быстро перехватил инициативу.

– Я знаю, что мой народ принес вам много бед... И не исключаю, что еще принесет. Сейчас я не говорю за всех лоча, не говорю за Белого царя. Только за себя лично. Если мы договоримся – я сделаю всё возможное для того, чтобы мы смогли жить мирно и дружно. По-новому жить. Делгоро подтвердит: эта жизнь на зейских берегах уже начинается.

Князья смотрели на Дурнова исподлобья. Они видели перед собой врага и с трудом верили, что уста его говорят такие слова.

– Более того, я приглашаю вас к нам! Можете всеми родами поселиться на левом берегу Зеи и на Амуре. Старый Балдачи послушался приказа богдыхана и увел в Маньчжурию свой род Жинкэр и другие рода. На Черной Реке опустели городки Кокурея и Толги. Опустела дочерская Дува и другие их селения. Вы знаете, что это за земля. Лето у нас на две недели дольше, чем здесь, на севере. Земли жирные, богатые; есть уже обустроенные поля и огромные заливные луга. Приходите! Конечно, придется платить Белому царю ясак пушшиной, но мы четко оговорим размер заранее, и я не стану брать больше.

Князья совсем призадумались.

– Не надо спешить с решением, – улыбнулся Санька. – Подумайте! Тем более, что сегодня я пришел по-другому делу.

Атаман собрался с духом и продолжил.

– Я хочу забрать тех русских людей, что вы окружили вон в той деревне.

– Вы слышали? – радостно подал голос Чипа, уже слегка оклемавшийся от падения. – Лоча не меняются! Налил нам в уши, а сам просто за врагами нашими пришел.

– Не врагами! – Дурной уже начал жалеть, что остановил Делгоро. – Я знаю, что на вас недавно нападали. И знаю, кто это был. Но здесь совсем другие люди. Они впервые попали на Черную Реку. И они не враги вам. Однако станут ими, если вы продолжите сражаться.

– Они станут мертвыми врагами, – кровожадно улыбнулся Старый князь. – Это хорошие враги.

– Сашика, – чуть мягче добавил Лобошоди-Лотодий. – Ты говорил странно, но слова Делгоро станут охраной тебе и твоим людям. Идите с миром. Однако, не указывайте нам, что делать.

– Нельзя так! – поднял голос Санька. – Этой кровью вы только продолжите путь смерти! Только на этот раз это уже ваша кровь будет!

– Не бойся, лочи! – злобно улыбался Чипа. – Мы их быстро кончим. Путь смерти тут и закончится.

«Ох, не факт, – покачал головой беглец из будущего. – Все-таки 40 человек отсюда ушли, чтобы потом погибнуть от рук дучеров. Значит, не так уж успешно закончится здешняя схватка».

Надо было что-то делать. И быстро. Купить жизни сорокинцев? Но как...

– Погодите-ка! – Дурной обратился к Главному. – Вы на кораблях лоча взяли какую-нибудь добычу?

– Нет, – хмыкнул даурский князь. – Жадные лоча всё утащили на своих горбах.

– Тогда вот что, – Санька чуял, что ввязывается в авантюру, но иного пути не было. – Отпустите наших людей, а я тогда уговорю их отдать вам свои товары.

– Ха! – снова подал голос Чипа. – Их товары станут нашими, когда мы перебьем подлых лоча.

– А вот и нет, – холодно улыбнулся Известь. – Я точно знаю, что у этих людей должно быть много товара. На себе столько не унести. А в дощаниках вы ничего не нашли. Значит, богатство где-то спрятано...

– Спасибо, что подсказал... Сашика, – с той же холодной ответил Главный. – Мы умеем развязывать языки.

И даурский князь погладил богатую рукоять кинжала.

«Вот сука! – вспыхнул атаман. – Так, главное не подать вида».

Санька старательно рассмеялся.

– А я думал, князь, ты нас знаешь. Лоча плюнет тебе в глаза, но ничего не скажет. А, чтобы ты пуще свои локти кусал – даст тебе ложную наводку, чтобы ты грыз пустые скалы и ничего не нашел.

Дауры засомневались.

– Ты точно уговоришь их отдать нам товары? – спросил Старый.

– Разве я вас когда-нибудь обманывал? – нагло ухмыльнулся Известь.

Глава 8

Торговались еще полчаса. Санька не знал, но догадывался, что «гуляя» по Лене, Сорочкин с бунтарями пограбил основательно. Чего? Да всего подряд. И мехов, и оружия. Конечно, немало должно быть у него тканей, которые здесь, в Восточной Сибири и на Амуре, в великой цене.

Вот последнее и отдам, решил атаман. Жалко, но без камчи да парчи люди переживут. А вот без пищалей, пороха, да сабель с копьями – вряд ли. А пушнина для местных не так ценна, как для русских. В итоге, порешили отдать даурам всю ткань, одежду (кроме личной, что «воры» носят); всё серебро, бронзу да медь. И соль.

После этого Дурнова пропустили в деревеньку на горке. Атаман оставил своих командиров на месте, велел не терять бдительность, а с собой взял пяток казаков самых доверенных, да Аратана. Всадники Лотодия проводили их почти до самого частокола, но оттуда вдруг грохнуло – стволов из трех-четырех сразу. Взвился дымок, и какой-то нервный срывающийся голос проорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.